

С. Бруниус, Е. С. Соболева

СИБИРСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В СТОКГОЛЬМСКОМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ: К ИСТОРИИ РОССИЙСКО-ШВЕДСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Профессиональные связи между этнографическими музеями Стокгольма и Санкт-Петербурга установились достаточно давно. Консерватор Королевского музея археологии Яльмар Столпе (Hjalmar Stolpe, 1841–1905) обращался в Музей антропологии этнографии (далее — МАЭ) еще в 1891 г. Создав и возглавив (в 1900 г.) этнографический отдел Королевского Музея естественной истории (Naturhistoriska Riksmuseet, Etnografiska Afdelning), он начал серию контактов с другими музеями мира.

В начале XX в. при содействии МАЭ шведские исследователи Густав Хальстрём (Gustaf Hallström), Йонас Стадлинг (Jonas Stadling), Карл Бернгард Викалунд (Karl Bernhard Wiklund) совершили поездки в отдаленные районы России, Открытые листы на археологические раскопки получил Туре Арне (T. J. Arne) и др. Директор МАЭ академик В. В. Радлов и его сотрудники неоднократно посещали Стокгольм и знакомились с работой шведских музеев.

В 1909–1914 гг. интенсифицировалась переписка между директором Стокгольмского этнографического музея Карлом Вильгельмом Хартманом (Carl Vilhelm Hartman) и старшим этнографом МАЭ Львом Яковлевичем Штернбергом [Соболева 2012]. Как 20 марта 1920 г. информировал членов Историко-филологического отделения РАН академик В. В. Бартольд, «в течение целого ряда лет Музей антропологии и этнографии состоял в обменных отношениях и соучастии в коллекционировании с Этнографическим музеем в Стокгольме. К моменту начала войны 1914 г. нашему Музею предстояло получить, по сведениям наших

счетов, значительную и ценную этнографическую коллекцию, которая не была выслана в свое время исключительно по условиям военного времени. Эту ценную коллекцию, пока еще не забылись старые связи между Музеями, необходимо, как можно скорее, получить и вместе с тем возобновить вновь очень важные обменные и сотрудничество с этим крупным этнографическим институтом» [СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1919. Ед. хр. 166. Л. 236 об.]. Неоднократные попытки командировать старшего этнографа профессора Л. Я. Штернберга в Стокгольм увенчались успехом лишь в 1924 г.

В 1922 г., когда постепенно стало налаживаться сообщение с зарубежными странами, Л. Я. Штернберг постарался восстановить переписку со скандинавскими музеями. Он был командирован Главнаукой за границу в 1924 г. в связи с предстоящим 200-летним юбилеем РАН, к которому предполагалось устройство новых отделов культуры во вновь отведенном МАЭ здании и специального отдела по типологии и эволюции общечеловеческой культуры. Помимо участия в XXI Конгрессе американистов в Гааге и Гётеборге, Л. Я. Штернбергу было поручено «разыскать в Швеции, Дании и Германии коллекции, застрявшие там со времени войны, и, кроме того, вести переговоры с заграничными музеями об обмене. Между тем на расходы по всем этим поручениям ему отпущено всего 300 (золотых. — С. Б., Е. С.) руб.» [СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924). Ед. хр. 5. Л. 71]. Он провел переговоры со Шведской академией наук о получении для МАЭ собранных еще до 1914 г. совместно с Etnografiska Afdelningen Naturhistoriska Riksmuseet коллекций из разных стран, произвел отбор наиболее важных для Музея объектов (более 500), каковые Полпредство СССР переправило в Ленинград, и отобрал в порядке обмена в историческом отделе Национального музея большую археологическую коллекцию. Л. Я. Штернберг и В. Г. Богораз совместно возобновили старые и установили новые связи с ученым миром и научными учреждениями, организовали регулярный обмен научными изданиями и коллекциями, приобрели благодаря личным связям с заграничными учеными и широкому содействию советских учреждений за границей богатейшие собрания новей-

ших работ по всем отраслям этнологии, археологии и антропологии, а также разные научные принадлежности для Музея, изучили заграничные этнографические музеи, новые методы выставления, постановку преподавания этнологии и т.п. [Там же: 148].

Детали доставки этих коллекций в МАЭ раскрывают архивные материалы СПбФА РАН. В 1920-е годы переписка со Шведией велась на немецком языке (письма же Хартмана в основном написаны на английском языке; перевод наш. — С. Б., Е. С.). В этот период МАЭ составлял для Стокгольмского этнографического музея этнографическую коллекцию по народам Дальнего Востока, в том числе специально собирая вещи в поле. Приведем фрагменты из документов архива Стокгольмского этнографического музея по этой теме. (Авторы выражают благодарность Е. В. Данелюк за помощь в переводе немецких рукописных текстов.)

Л. Я. Штернберг сразу по возвращении из-за границы в письме Герхарду Линдблуму (Dr. Gerhard Lindblom) 21 декабря 1924 г. высказал беспокойство по поводу отсутствия сведений об отправке коллекций в Ленинград. Линдблум успокоил его 3 января 1925 г. телеграммой, что все организовано, подробности письмом [СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Ед. хр. 5. Л. 1].

30 января 1925 г. заведующий транспортным отделом Торгпредства СССР в Швеции Э. Безе уведомлял Л. Я. Штернберга, что четыре ящика с этнографическими предметами, спецификации и сопроводительное письмо от д-ра Г. Линдблума, отправочные документы и документы для получателя груза посланы с пароходом «Делегат» в Ленинградскую портовую таможенную для передачи в ленинградскую Академию наук, а также «что все расходы по переотправке груза до Ленинграда взяты Торгпредством на себя» [СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Ед. хр. 5. Л. 26а].

Новые экспозиции МАЭ были завершены к торжествам в честь 200-летия Академии наук, которые начались 7 сентября 1925 г. 27 августа 1925 г. Л. Я. Штернберг доложил Президиуму АН СССР о приглашении стокгольмского Riksmuseet, Etnografiska Afdelning, продолжить деловые контакты. МАЭ «сверх условлен-

ного получил несколько весьма ценных объектов, и, кроме того, Стокгольмским музеем ему были оказаны услуги, которые оказались весьма существенными для его дальнейшей работы за границей. За это Стокгольмскому музею было обещано выслать в порядке обмена несколько дублетов из быта гольдов, по которым Музей имеет большие дублетные собрания. Ныне, по окончании музейной выставки, были отобраны несколько дублетов <...>. Музей просит разрешения переслать таковые в Стокгольм. Для избежания расходов по пересылке объекты будут отправлены через шведское консульство» [СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Ед. хр. 8. Л. 44–44 об.]. Вновь извещая шведских коллег о получении вещей 29 августа 1925 г., Л. Я. Штернберг также пояснил: «Что касается моего обещания прислать Вам коллекцию по гольдам, я не смог до сих пор его выполнить, так как я до конца августа был невероятно занят перестройкой и выставкой нашего Музея к 200-летию юбилею Академии наук. В начале сентября я это выполню».

27 ноября 1925 г. он наконец сообщает в Стокгольм (по-немецки):

«Дорогой и уважаемый г-н коллега,

Согласно нашей договоренности, я составил гольдскую коллекцию. Теперь речь идет только о том, каким образом должен я ее переслать, чтобы избежать формальностей и накладных расходов. Может быть, было бы легче всего через шведского консула это устроить? Через него я получил коллекцию из Стокгольма из Исторического музея. Было бы лучше всего, если бы Вы обратились к нему от имени Музея с просьбой встретить посылку. Если это невозможно для Вас, тогда я устрою это через Транспортную контору. Сегодня я уезжаю на один месяц на Кавказ, чтобы отдохнуть после того, как я проделал очень утомительную и изматывающую работу по полной реконструкции Музея в нашем новом здании в большой спешке к юбилею. Теперь мне нужен на некоторое время покой.

Адресуйте Ваш ответ в Музей. Он будет переслан на Кавказ. Я надеюсь, что Вы не будете обижаться, что пересылка коллекции откладывается до моего возвращения. Как Вы поживаете?

Общение для нас было очень ценным и полезным во время выставки африканских коллекций.

С наилучшими пожеланиями, преданный Вам Лео Штернберг».

Президиум РАН 5 декабря 1925 г. разрешил МАЭ послать в обмен Государственному музею в Стокгольме 28 этнографических предметов из МАЭ (через Бюро по международному книгообмену) [СПБФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Ед. хр. 6. Л. 379].

Официальное письмо по-немецки на бланке Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР от 24 декабря 1925 г. гласит:

«Глубокоуважаемый г-н доктор,

Большое спасибо за Ваше новое письмо, которое у нас очень хорошо используется, так как у нас есть помощники, которые хорошо понимают по-шведски (библиотекарь МАЭ Екатерина Михайловна Романова. — *С. Б., Е. С.*), и я сам тоже, хотя я с трудом, но, однако, читаю по-шведски. Наконец после многих преодоленных формальностей гольдская коллекция через Транспортную контору “Дерутра” отослана Вам. Опись Вам на шведском языке последует вскоре. Коллекция немногочисленная, но в ней имеются очень ценные вещи: орнаментированные вещи ныне очень дорогие и редкими стали, но этим летом на Амуре специально работают наши помощники, и я надеюсь, что я в состоянии дополнить Вашу коллекцию. Кроме того, я особо пришлю Вам еще серию фотографий. Посылаю Вам свои наилучшие пожелания к Новому году,

Преданный Вам Лео Штернберг».

Следующее письмо, от 23 марта 1926 г., на немецком языке также на бланке:

«Уважаемый г-н коллега,

Я очень рад, что Вы довольны гольдской коллекцией, и я Вам ее с удовольствием дополню. Сейчас предоставляется для этого хорошая возможность. Два моих сотрудника предпримут в следующем месяце научную поездку в область гольдов и готовы приобрести для Вас требуемые предметы. Они предлагают за это 100 крон. Возможно ли вместо чистых денег в Стокгольме приоб-

рести некоторые вещи для их поездки? Им нужны две палатки из легкой парусины и две складные легкие дорожные кровати. Палатки — каждая на одну персону — должны быть совсем закрытыми, без входа, чтобы полностью защищать от комаров. Одна такая палатка должна быть кубической формы, потолочная часть — пирамидальной формы, и в центре и по четырем углам снабжены ремнями, чтобы привязывать палатки. Никакого деревянного оснащения не требуется. Но если еще должно остаться немного денег, то очень было бы желательно приобрести небольшие предметы для поездки, как то: два легких осмоленных парусиновых полотнища (брезент) для пола, рюкзаки или что-то подобное. Я в 1912 г. очень дешево купил такие предметы. До 1 июля Вы можете получить желаемые гольдские вещи. Если Вам трудно получить сразу же деньги от Музея, то мы могли бы вещи приобрести на свои собственные средства. Важно только иметь здесь вещи до 15–20 апреля. Если выполнение нашей просьбы для Вас составляет трудности, то оставьте это. Мы попытаемся тогда приобрести здесь предметы, хотя то же самое будет намного дороже и гораздо хуже.

С уважением, Лео Штернберг».

В начале мая 1926 г. в Хабаровск отправились научный сотрудник МАЭ Иосиф Иванович Козьминский и ассистент этнографического отделения Географического факультета ЛГУ Нестор Константинович Каргер. Амгунская экспедиция провела исследования нанайцев (самагиров) р. Горин, собрала коллекции [СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1926). Ед. хр. 7. Л. 30].

Новое письмо д-ру Линдблomu 10 июня 1926 г. написано по-английски:

«Дорогой д-р Линдблом,

Я очень встревожен, так как я вижу из Вашей открытки, что Вы до сих пор не знаете, что случилось с вещами, отправленными Вами. Я послал Вам около месяца назад личную информацию через профессора Виттенбурга, который поехал прямо через Або в Стокгольм и обещал мне информировать Вас от моего имени и устроить дело. Возможно, он неожиданно изменил свои планы и отправился сначала в Данию и позже вернется через Швецию.

Дело в том, что кровать прибыла вовремя, но палатки не были до сих пор; члены экспедиции ждали до 10 мая, и им пришлось уехать без палаток.

В чем дело, я понять не могу. Возможно, их отправили по ошибке в другое место. Но в любом случае они не могут потеряться. Но ныне стоит вопрос, как высвободить Вас из трудностей?

Проф. Виттенбург обещал мне, если палатки будут пересланы в Стокгольм, забрать их для своей собственной будущей экспедиции и заплатить за них. Что до кроватей, дело простое. Если Вам нужны коллекции, Вы получите их из экспедиции, если Вы предпочитаете деньги, я вышлю их немедленно. Что до палаток, все зависит от того, что с ними случилось, и я буду ждать информации от Вас. В любом случае я готов компенсировать потерю.

Единственная вещь, которую я не могу компенсировать, это проблема, которую я Вам создал, и большая доброта, которую Вы выказали тем, что озаботились ответом на мой запрос.

Прошу не слишком сердиться на меня за то, что причинил, хотя и не желая этого, так много забот.

Ожидаю Вашего ответа.

С наилучшими пожеланиями, благодарный Вам Лев Штернберг».

Агентство Акционерного общества «Советский торговый флот» только 26 июня 1926 г. уведомило РАН, что «нами ожидается в ближайшие дни прибытие одного места, содержащего две походные палатки для научных экспедиций, вес около 20 кг. Просим не отказать в любезности выслать нам доверенность для совершения таможенных обрядностей, а также указать, куда направить груз и кем были оплачены расходы по выпуску этого груза» [СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1926). Ед. хр. 6. Л. 66].

Л. Я. Штернберг подтвердил получение груза в письме 15 сентября 1926 г., написанном опять по-немецки:

«Глубокоуважаемый господин коллега,

Прошу извинения, так как долго Вам не писал. Были разные дела. Кроме того, у меня были большие трудности с палатками. Слава Богу, палатки ко мне прибыли незадолго перед этим. Сей-

час я посылаю Вам 50 долларов за палатки и за [неразборчиво] с посланием, так как на днях наша экспедиция возвращается, и что далее выбирать будет лучше. К сожалению, я сегодня уезжаю в Японию на Тихоокеанский конгресс на несколько недель, и я считаю, что лучше подождать с отбором до моего возвращения. Вы будете довольны. Затем прошу извинения и желаю Вам всего наилучшего.

С сердечными пожеланиями, преданный Вам Лео Штернберг».

Деньги (50 долларов за коллекции, полученные в обмен) 16 декабря 1926 г. были переведены из АН СССР в Стокгольм в Riksmuseet, Etn. Afd., Intendant G. Lindblom [СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1927). Ед. хр. 5. Л. 18].

Собранные по указанию Л. Я. Штернберга нанайские этнографические предметы зарегистрированы в Стокгольмском этнографическом музее в составе амурских коллекций: 1926.28 (как покупка) и 1927. 22 (как подарок).

14 августа 1927 г. Л. Я. Штернберг скончался, и дальнейшего обмена коллекциями со Швецией не последовало, хотя позднее эта возможность в МАЭ обсуждалась.

Как видим, научные связи и профессиональное сотрудничество музеев в 1920-е годы возобновились при первой же возможности. Очевидно, помимо этнографического интереса, музеи объединяла и естественно-научная специализация собирателей-полевиков. При отсутствии возможностей посылать экспедиции в другие страны (сотрудники МАЭ редко посещали Африку и Океанию, а иностранные ученые — Сибирь и Русский Север) систематический обмен с зарубежными музеями и поступления от частных лиц стали основным источником пополнения этнографических, археологических и иллюстративных фондов. Кроме того, в условиях конкуренции с частными фирмами музеи могли рассчитывать на успех только в тех случаях, если они объединяли свои ресурсы и сотрудничали в рамках конкретных проектов, приглашали для работы коллег-специалистов и вкладывали в проект финансовые средства.

История коллекций и международных связей МАЭ, деятельность собирателей требуют дальнейшего исследования. Новые

материалы, которые вводятся в научный оборот в рамках данной публикации, проливают свет на некоторые страницы истории отношений дружественных музеев России и Швеции.

Источники

- СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а (1919). Ед. хр. 166.
СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924). Ед. хр. 5.
СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Ед. хр. 5.
СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Ед. хр. 6.
СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Ед. хр. 8.
СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1926). Ед. хр. 6.
СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1926). Ед. хр. 7.
СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1927). Ед. хр. 5.

Библиография

Соболева Е. С. Переписка Л. Я. Штернберга и К. В. Хартманна как источник по истории коллекций Петербургского и Стокгольмского этнографических музеев // Лев Штернберг — гражданин, ученый, педагог. К 150-летию со дня рождения. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 96–119.

Abstract

The report is based on correspondence between the Directors and Chief Staff of Ethnographical Museums in St.-Petersburg and Stockholm.

In 1909–1914 the museums worked closely in collecting and exchanging ethnographic objects. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (MAE) backed field research in Russia by J. Stadling, G. Hallström, K. B. Wiklund, T. J. Arne, other Swedish scholars.

The intense correspondence started between the Director of the Stockholm Ethnographical Museum Carl Vilhelm Hartman and the MAE Senior Ethnographer Leo Sternberg in 1908. The MAE Curatorium partly financed several Swedish ethnographic expeditions, and the MAE got its share of thus collected African, American, Australian exhibits. During the First World War all the contacts between the MAE and its foreign partners were stopped and resumed only in 1923. Nevertheless, the MAE got the collections preserved

by the Museums in Stockholm and Kopenhagen all these years in 1920-es.

Letters and archival documents reveal some previously unknown aspects of collecting and shipping the ethnographic items and photographs from the two museums in 1920-es. Some rare ornamented objects earlier collected in the Russian Far East were selected from the MAE exchange stuff for Sweden. It was supposed to complete the collection with some new acquisitions. Prof. Leo Sternberg sent in 1926 two specialists to the Amur region and asked the colleagues in Stockholm to help to equip the expedition with tents, portable beds, backpacks, etc. He has had such an experience in 1912. In Russia, ravaged by the civil war, there were no industrial goods. As the Post service functioned irregularly, the ordered equipment arrived too late.

The exchange of collections between the two Museums was conducted by different rules. The Nanai ethnographic collection brought by Russian expeditions was purchased by the Stockholm Ethnographical Museum (№ 1926.28), another one (№ 1927.22) was donated by the MAE as a gift. Partnership between the two Museums is an example of a fruitful and successful international cooperation.